Как только слова сорвались с губ Джули, ее лицо покраснело, и она посмотрела на Романа, который стоял за окном. Ее разум и воля были слабы, когда дело касалось его, она жаждала его общества, и на его вопрос она проболталась о том, что не могла сказать ему раньше.

Глаза Романа выглядели не иначе, как полуночное небо без звезд, но в них был блеск, мерцание тьмы, затаившееся в них. И то, как он смотрел на нее сейчас, должно было бы ее напугать, но не напугало.

Он спросил ее: "Ты уверена в этом?".

Роман хотел услышать нечто большее, чем то, что произнесла Джули. Ему нужно было подтверждение, чтобы она не уклонялась от ответа завтра, когда ей станет лучше. Что это не лихорадка говорит с ним.

Чтобы дать ей необходимый толчок, он сказал: "Я не провожу время с кем-либо, когда они болеют. В этот раз, если я приду, это будет не по-дружески. Ты не против?"

Джули пыталась вникнуть в каждое слово, которое он ей сказал. Она мягко сказала: "Я прошу тебя остаться со мной на ночь. Просить о твоей компании... разве это не дает ответ на то, что ты ищешь?".

"Я не хочу неправильно понять то, что услышал", - Роман сделал шаг вперед, проверяя Джули, - "Это помогает понять, где каждый из нас находится".

" Ты просишь много разъяснений", - пробормотала Джули себе под нос. Подняв руку, она кашлянула, пряча лицо.

"Быстрее, смутьянка, пока никто из нас не попался или пока у тебя не поднялась температура. Сейчас не время играть в Ромео и Джульетту у окна", - в голосе Романа прозвучало нетерпение. Он повернул голову направо, чтобы посмотреть, не появится ли кто-нибудь оттуда.

Его слова вызвали нежную улыбку на губах Джули: "У нас с ними похожие имена, не так ли?" - спросила она, встретив его взгляд, прежде чем на ее лице появилось небольшое беспокойство, и она сказала: "Что, если его постигнет та же участь? У них был трагический конец".

"Как ты узнаешь, упадет он или полетит, если даже не попробуешь?" - заметил Роман. Приподняв бровь, он наклонил голову в сторону, что только подчеркнуло его мужскую привлекательность. Затем он сказал: " Отойди назад".

Джули сделала, как он ей сказал, а Роман положил обе руки на подоконник и забрался в комнату. Он закрыл окно и задернул штору. Когда он повернулся, чтобы посмотреть на нее, его рука отпустила занавеску.

Пока Роман направился к двери, чтобы проверить, хорошо ли она заперта, Джули легла на кровать. Она придвинулась к стене, освободив место по другую сторону кровати. Она видела, как он снял ботинки и подошел к столу, где тихо горела лампа. Он повернулся, чтобы посмотреть на нее, и спросил,

"Тебе это нужно?" Когда она покачала головой, он выключил лампу и подошел к кровати.

Рука Джули выглянула из-под одеяла и похлопала по месту рядом с ней на кровати.

Она действительно испытывает его терпение и выносливость, подумал Роман, глядя на нее. Она смотрела на него так, словно ждала, и он вздохнул, прежде чем забраться на кровать и лечь рядом с ней. Его одна рука поддерживала его голову, лежа на одной стороне тела. Несмотря на отсутствие света, Джули все еще могла видеть черты лица Романа, так как сквозь занавески проникало небольшое количество света снаружи.

"Закрой глаза, смутьянка", - предложил Роман, доставая из кармана маленькие полоски жвачки. Развернув одну из них, он положил ее в рот.

У Джули с Романом ассоциировался черный цвет, татуировки, мотоцикл и жвачка, которую он любил жевать. Не стоит забывать и о сигаретах.

Джули на мгновение закрыла глаза, а затем открыла их, чтобы спросить: "А как насчет вечеринки в честь победы в матче? Ты будешь присутствовать на ней позже?" Она не знала, как долго будет длиться вечеринка.

"Нет", - ответил Роман.

"Разве людям не будет интересно, куда исчез капитан их команды?".

Роман жевал жвачку, не торопясь отвечать ей. Он сказал: "Это бесполезная вечеринка, которая меня мало волнует. Не говоря уже о том, что ты сгораешь здесь от жара. Разве я не говорил, что выбираю тебя".

Джули опустила глаза с его лица, наблюдая за его широкими плечами. Тепло вернулось на ее щеки, и это было не из-за лихорадки.

Затем он добавил: "Ты выглядела как брошенный котенок, когда я собирался уходить. Людям свойственно чувствовать себя одинокими, когда они больны и рядом никого нет. Но нет, я вернулся не из-за жалости. Я не умею жалеть".

Чтобы получше рассмотреть Романа, Джули придвинулась к нему ближе, накрыв его своим одеялом. Она прошептала: "Потому что я тебе нравлюсь".

Теперь, когда Джули сама подошла к нему ближе, Роман поднял правую руку, чтобы заправить прядь ее волос за ухо. Его пальцы задержались на ее коже за ухом, и он услышал тихий вздох, вырвавшийся из губ Джули.

Джули выглядела восхитительно с росистыми от жара глазами, ее кровь была теплой и приглашала его вонзить клыки в ее податливую кожу. Он помнил вкус ее крови, и это был не что иное, как эликсир. Но он не собирался ее кусать, не то, что его вампирская сторона.

Ранее, когда он покинул общежитие вместе со старостой дормитория, он посетил обеденный зал, выпив четыре банки крови, прежде чем прийти сюда.

Глаза Джули на мгновение закрылись от прикосновения Романа, почувствовав, как его пальцы коснулись ее кожи, и от этого у нее скрючились пальцы на ногах, которые теперь были укрыты одеялом. Это было похоже на шлейф огненных искр, которые продолжали гореть даже после того, как он отдернул руку, и она открыла глаза.

Она спросила его: "Ты когда-нибудь чувствовал себя одиноким, когда заболевал?".

"Я бы хотел", - слова Романа заставили ее задуматься, что он имел в виду. Он продолжал говорить: "Иногда ты привыкаешь к некоторым вещам, и трудно от них оторваться".

Джули уставилась на Романа, задаваясь вопросом, неужели он настолько привык к одиночеству, что не чувствует потребности в чьем-то обществе. Она спросила: "Сколько времени прошло с тех пор, как ты потерял свою семью?".

Когда он заговорил, его голос был спокойным и ровным: "Много лет. Я перестал считать", - Джули поняла, как приятно его слышать.

"Сколько вам тогда было лет?" - спросила она, желая узнать о нем побольше.

"Наверное, пятнадцать или шестнадцать, я думаю", - он тщательно выбирал ответ.

"И у тебя нет родственников?" - спросила Джули, и Роман приложил палец к ее губам, заставив ее замолчать.

"Так много вопросов, когда ты должна отдыхать", - Роман перешел на шепот, и сердце Джули забилось. Она почувствовала, как его палец провел по ее нижней губе, и втянула воздух.

Джули проговорила, держа его палец на своих губах: "Это потому, что..."

"Еще одно слово с этих губ, и я поцелую тебя независимо от того, больна ты или нет", - глаза Романа сузились, и открытый рот Джули быстро закрылся. Но через несколько секунд, когда

она открыла рот, он положил руку ей на талию и с легкостью притянул ее к себе. "Ты что-то говорила?"

Когда Джули попыталась вывернуться из его объятий на кровати, Роман не дал ей далеко уйти, прежде чем снова притянул ее к себе. На этот раз она прижалась к нему спиной. Когда она собиралась что-то сказать, она начала кашлять, и Роман нежно погладил ее по спине, прижимая к себе.

Когда ее горло успокоилось, Джули лежала, как статуя, в объятиях Романа. Кровь прилила к ее шее, и она прошептала: "Я не привыкла к этому".

"Рад слышать, что ты к этому не привыкла. Не то чтобы это было проблемой, если бы ты была в прошлом", - ответил Роман на ее слова. Джули почувствовала, как его рука обхватила ее за талию, крепко прижимая к себе, а он наклонил голову вперед и положил подбородок на ее шею. "Оставайся так", - прошептал он ей.

Джули застеснялась и не осмелилась снова пошевелиться. Роман был неуловим, когда хотел притянуть ее тело еще ближе. До сих пор она никогда не делала ничего даже близко похожего на это, но тогда она и не обращалась ни к кому с такими вопиющими просьбами.

Хотя она и хотела, чтобы он остался с ней, она не очень хорошо представляла себе, как они будут проводить время друг с другом. Прочистив горло, Джули сказала: "Мне жаль, если ты подхватишь мою простуду".

"Ты сможешь вернуть мне здоровье, если это случится. Есть к чему стремиться, не так ли?" - сказал Роман, и Джули почувствовала, как его палец провел по ее животу поверх одежды, и это оставило легкую щекотку в ее теле. "Постарайся уснуть. Я буду рядом".

"Мне кажется, это трудно сделать", - призналась Джули, не привыкшая к такой позе. Через минуту она спросила: "Ты поговоришь со мной?". Она повернулась в его руке так, что теперь оказалась лицом к нему, их лица были близко друг к другу.

"Как хлопотно", - пробормотал Роман, его лицо было пассивным, а взгляд упал на ее глаза. "Что ты хочешь услышать?"

"О тебе", - вздохнула Джули, ее карие глаза любовались его резкими чертами.

Ее взгляд проследил за его челюстью, которая выглядела резной, за темными бровями и пробором. Она увидела, как он облизнул губы. Джули не могла поверить, что такой красивый и умный человек, как Роман, покинул праздничную вечеринку ради нее. Если ее сердце не было украдено в день костра, то теперь она была уверена, что сердце пропало.

Тем не менее, она ничего не сказала об этом. Да и не нужно было, потому что Роман

расшифровал ее действия и слова без всяких объяснений.

"Что ты хочешь знать обо мне?" Рука Романа, лежавшая на ее талии, переместилась на спину, совершая круговые движения, которые успокаивали ее. "Есть одна девушка, которую мне трудно выкинуть из головы. Маленькая смутьянка, которая носит очки, у нее карие глаза и каштановые волосы".

Джули нахмурилась: "Это обо мне. Ты не любишь много говорить о себе, не так ли?".

Что-то мелькнуло в его глазах, но Джули не уловила этого.

Когда Роман не ответил ей сразу, Джули сказала: "Ранее ты пропустил мой вопрос о своих родственниках".

"Да", - согласился Роман, его глаза слегка сузились, и он сказал: "Для человека, который болен, ты сейчас выглядишь слишком энергичной, и это заставляет меня задуматься, не было ли это просто уловкой, чтобы удержать меня здесь".

Джули смущенно потупилась и сказала: "Я... это не я сказала тебе держать меня".

"Нет? Я думал, ты имела в виду именно это, когда похлопывала по кровати", - на лице Романа появилась небольшая ухмылка. "Я никогда не думал, что ты такая смелая".

Джули почувствовала, как Роман тонко переводит разговор на другую тему, и спросила: "У тебя, наверное, такие же родственники, как у меня. Ничего страшного, если ты не хочешь о них говорить". Заметив, что он игриво уклоняется от ее вопросов, она не хотела его принуждать.

В комнате воцарилась тишина, и тогда Роман заметил: "Люди есть, но назвать их семьей было бы натяжкой. Единственные люди, которых я считал семьей, были убиты. Они были хорошими людьми. Даже если вначале были какие-то кривые вещи, потом все стало лучше". Он сделал паузу, не зная, как много рассказать, ведь в прошлом он уже раскрыл ей некоторые вещи через письмо. "Меня взяли в семью".

"Как усыновили?" - спросила Джули, ее затуманенный лихорадкой разум не мог подключиться к истории, которую он ей рассказал.

"Что-то вроде этого", - уголок губ Романа дернулся вверх, - "Моя биологическая мать была прекрасной женщиной. Добрая, но, возможно, гордая. Она умерла, когда я был маленьким".

Джули почувствовала, как Роман убрал свою руку с ее спины и поймал ее руку, которая лежала перед ее грудью. Он сжал пальцы и сказал: "Мой сводный брат был надоедливым, ему нравилось крутиться вокруг меня и следить, чтобы со мной все было в порядке. И однажды

ночью я нашел тела своих родных. Мой брат был еще жив, когда я добрался до него, но я не смог его спасти. Я был ранен в спину, а потом увидел, как он умирает у меня на глазах".

Голос Джули был низким. "Я сожалею об этом. Это должно быть ужасно...", - она посмотрела на его рубашку, заметив кольца, которые сместились в сторону. "Это... когда-нибудь преследовало тебя?"

Уголок его губ дернулся, и он сказал: "Что нас не преследует, Джули?". И хотя он спрашивал ее, было ощущение, что его слова несут в себе больше смысла, а у нее еще не было ключа к нему. "Преследует ли тебя смерть твоей матери?"

Джули кивнула головой: "Не всегда, но в редкие ночи. С тех пор, как я начала учиться здесь, стало лучше. Книги и другие вещи в Ветерисе занимают мои мысли".

"Приятно слышать", - ответил Роман, а затем сказал: "Я проверил номер, с которого ты получила сообщение, это стационарный телефон".

"Спасибо, что проверил. Я просто беспокоюсь, что мой отец однажды придет за мной, и самое страшное, что я не знаю почему", - прошептала Джули, уставившись на грудь Романа. "Когда мы встретились в зале суда, мы не разговаривали друг с другом. Но он смотрел на меня так, как будто собирался прийти за мной в следующий раз. Но потом я поняла, что должна беспокоиться о пришельце, который может меня похитить".

Роман сжал ее руку и сказал: "Я не позволю им причинить тебе вред. Ты не встретишь ту же судьбу, что и твоя мать".

"Спасибо", - она подняла на него глаза, чувствуя уверенность и безопасность рядом с ним. Затем она спросила его: "У тебя тоже есть шрам?". Он коротко кивнул. Заметив ее любопытство, он спросил.

"Хочешь посмотреть?" - он провел языком по клыкам.

"Можно?" - в ее голосе и взгляде прозвучал намек на нетерпение.

Роман отпустил ее руку и приподнялся, чтобы сесть. Встав с кровати, он подошел к столу для занятий.

Любопытствуя, Джули села на кровати и увидела, как он включил лампу в кабинете. Роман заложил одну руку за спину и вытащил футболку. Золотистый свет лампы упал на него, и она увидела его татуировку, которая обычно была скрыта за черной футболкой.

К этому времени Джули опустила ногу на пол и направилась к тому месту, где стоял Роман. Она заметила на одной стороне его татуировки возле груди. Там был шрам, который она не

заметила в ту ночь, когда ухаживала за ним в доме Мелани.

"Этот человек пытался ударить тебя ножом", - прошептала Джули, и хмурый взгляд на ее лице стал еще глубже. Была ли какая-то обида в том, что убийца решил убить всех? "Можно?" - ее взгляд переместился с его груди на глаза.

" Вперед", - сказал Роман, заметив, как Джули сделала шаг вперед. Она подняла руку к его лицу, прослеживая шрам на его груди. Ей было интересно, насколько болезненным он мог быть для него. Ее палец бессознательно проследил лозы, словно татуировку, набитую на его груди, переместился ниже, и она почувствовала напряженные мышцы.

Как можно было получить такое тело, употребляя кока-колу? Если только... кока-кола не была сделана из каких-то особенных веществ, и поэтому она была дорогой, подумала про себя Джули.

Бездумно, ее рука задержалась далеко, и она тихонько сглотнула. Уронив руку, она сделала шаг назад.

"Ну вот, теперь ты знаешь обо мне больше, чем вчера", - заявил Роман, и Джули кивнула головой.

"Я хочу..." Джули запнулась, ее глаза смотрели в сторону от него. Он поднял свою рубашку и надел ее обратно. Они вернулись на кровать, где на этот раз Джули стала тише, и Роман не стал заводить разговор, чтобы она могла уснуть.

Где-то во сне Джули повернулась лицом к Роману. Ее глаза были закрыты, а губы приоткрыты. Он наблюдал за ней, его рука двигалась к ней, чтобы отодвинуть боковые прядки ее волос, которые нависли перед ее лицом.

"Похоже, ты наконец-то заснула", - прошептал Роман, но его слова не достигли ее ушей, а если и достигли, то она была глубоко во сне. Она выглядела умиротворенной и невинной. Он осторожно положил руку ей на лоб, проверяя температуру. "Ты заставила меня волноваться, когда я услышал, что ты заболела", - сказал он, его губы сжались в тонкую линию.

Пока он смотрел на нее красными глазами, Роман вспомнил, как он заболел, когда был маленьким и еще человеком. Он лежал в этой же комнате, спал на этой стороне кровати и кашлял. Тогда дверь обычно держали закрытой, оставляя его одного в этой части особняка, когда он был маленьким.

"Хак! Хак!" - кашлял маленький мальчик, свернувшись калачиком в кровати и чувствуя, как дрожь пробегает по его хрупкому телу. Его голова была тяжелой и кружилась, глаза слегка расфокусировались, когда он уставился на стены комнаты. Бледные губы мальчика разошлись, когда он захрипел.

Звуки кашля маленького мальчика услышали горничные и другие слуги, которые ходили по коридору, но никто из них не попытался войти в комнату. Не только жители города не одобряли скандальный поступок мистера Молтенора, но даже слуги смотрели на мальчика как на изгоя, который не заслуживает того, чтобы жить здесь.

Малькольм Молтенор уехал за город вместе со своим сыном Тристианом, а его жена, леди Петронил, вышла из особняка. Когда она вернулась позже, дворецкий склонил голову, приветствуя ее,

"С возвращением, леди Петронил. Как прошел ваш визит в особняк Бейкера?".

"Все было хорошо. С их помощью мы сможем открыть здесь магазин", - сказала леди Петронил, снимая с рук перчатки. Она передала их дворецкому. Он взял ее пальто, чтобы повесить его на стойку. "Как дела в особняке? Вы слышали какие-нибудь новости от Малькольма?"

"Мы еще не получали никаких новостей от лорда, миледи", - ответил ей дворецкий.

Пока леди Петронил шла по особняку, она услышала звук кашля, и ее ноги остановились. Она повернула голову направо.

"Мальчик все еще кашляет?" - нахмурилась женщина.

"Да, миледи", - ответил дворецкий, - "Я отправил его еду в комнату, как вы приказали мне сделать сегодня утром".

Леди Петронилла спросила: "Он ел?".

"Нет, миледи".

Перед утренним уходом леди Петронилла и мальчик по имени Роман позавтракали вместе в столовой. Она заметила, что он слегка покашливает, и велела дворецкому отвести мальчика в комнату, чтобы он отдохнул, а сама распорядилась, чтобы еду отправили в комнату мальчика.

И хотя слуги решили, что леди Петронилла просто старается держать мальчика подальше от остальных людей в особняке, намерения женщины были иными.

Услышав, что мальчик снова кашляет в своей комнате, женщина направилась в конец коридора. Она повернула ручку двери и вошла внутрь, а дворецкий последовал за ней, стоя у входа в комнату.

Леди Петронилла заметила маленького мальчика, лежащего на кровати, его голова была спрятана в тонком одеяле. Подойдя к кровати, она села. Подняв руку, она повисела над

головой мальчика, пока наконец не стянула одеяло и не положила руку на голову мальчика.

"Он горит", - пробормотала женщина, ее губы сложились в тонкую линию. Повернув голову и посмотрев на дворецкого через плечо, она приказала: "Позови лекаря".

"Сейчас, миледи?" - спросил дворецкий, немного удивленный тем, что дама собирается привести сюда врача для мальчика, который был виноват в нарушении покоя ее семьи.

"Да, прямо сейчас. И пусть Гретта принесет миску с водой и свежую салфетку", - приказала леди Петронилла. Дворецкий склонил голову, выглядя немного встревоженным, но вышел из комнаты.

"Мама, - раздался слабый голос мальчика, который, казалось, говорил во сне.

Леди Петронилла уставилась на мальчика, мальчика, которого она едва могла терпеть, потому что он был напоминанием об измене ее мужа, живым доказательством того, что она не была достаточной женой для своего мужа. Она была недовольна поступком мужа, и ей потребовалось много времени, чтобы переварить его. Но это не значит, что она была жестокой.

Когда служанка вошла в комнату с миской воды, леди Петронилла сказала: "Дай мне ее. Иди, приготовь кашу и принеси ее сюда", - и выпроводила служанку из комнаты.

Как только служанка ушла, леди Петронилла окунула ткань в холодную воду, отжала ее и положила ткань на лоб мальчика. Через несколько минут в особняк зашел лекарь, чтобы осмотреть мальчика.

"Это просто проходящая лихорадка", - сказал врач, вставая и вынимая стетоскоп из ушей. "Я бы попросил вас давать ему теплую пищу, чтобы он пил и ел. И не открывайте окна из-за прохладной погоды".

Леди Петронилла кивнула головой.

"Вот лекарства. Пусть он принимает их после еды, и через три-четыре дня он поправится", - лекарь передал лекарства женщине.

"Спасибо", - улыбнулась леди Петронил. Дворецкий вывел лекаря из комнаты, а она осталась стоять на месте.

Когда каша была приготовлена, она разбудила маленького мальчика и заставила его сесть, а затем помогла ему поесть. Когда на землю опустилась темнота, леди Петронилла сидела в комнате рядом с мальчиком и наблюдала за ним, пока он спал.

Она еще раз проверила температуру мальчика. Когда температура, казалось, снизилась, она уже готова была встать, и в это время ее прикосновение разбудило мальчика. Женщина и мальчик долго смотрели друг на друга.

Леди Петронилла сказала: "Наступила зима, и температура еще больше понизится. Ты можешь не использовать тонкое одеяло, а взять вот это. Оно толще, и тебе будет теплее". Она осторожно поднялась, так как не собиралась долго оставаться в комнате.

"Почему?"

Мальчик уставился на нее с сомнением и вопросом в глазах.

Леди Петронилла поджала губы и ответила: "Невежливо оставлять человека без присмотра, особенно молодого, у которого нет матери, а отец в отъезде. Нравится мне это или нет, но ситуация не изменится, и мне остается только смириться с этим".

"Ты меня ненавидишь".

Для маленького мальчика у него точно есть свой ум, подумала про себя леди Петронил. В тех редких случаях, когда они общались, ей казалось, что она разговаривает со взрослым человеком. И она подумала, не пришлось ли мальчику быстро повзрослеть из-за того, как люди смотрели и говорили с ним.

"Вряд ли, - призналась леди Петронилла, - если кто и виноват в этом, так это твой отец, мой муж. В любом случае, я попрошу кого-нибудь прислать сюда ужин. Обязательно съешь его".

Маленький мальчик кивнул ей, наблюдая, как она выходит из комнаты, оставляя его наедине с собой.

Вернувшись в настоящее, Роман уставился в потолок комнаты. Его лицо было пассивным, а глаза неподвижными. Комната хранила множество воспоминаний.

То, что началось с одиночества, переросло в заботу, когда ему дали семью, чтобы затем отнять ее. Затем боль и гнев, и сколько лет прошло после этого? спрашивал он себя. Но сейчас он испытывал нечто иное.

Роман повернул голову, его взгляд упал на Джули, которая продолжала спокойно спать. Во сне она придвинулась ближе к нему. Наклонившись к ней, он прижался губами к ее лбу.

Он положил руку на ее затылок, нежно поглаживая его.

http://tl.rulate.ru/book/71707/1991822